

А. В. БЕКАСОВА

«УЧЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ» РУССКОГО АРИСТОКРАТА КАК СПОСОБ САМОРЕАЛИЗАЦИИ (на примере графа Н. П. Румянцева)¹

Президент не есть начальник академии, но токмо первенствующий в ней; он не повелевает но предлагает, соглашает, убеждает и смотрит за устройством и порядком.

Устав Российской академии 1818 г. Гл. IV, § 1.

...talantы рождаются ободрением, когда произведения их оцениваются и вознаграждаются судом правды и ведения...

А. С. Шишков. Объяснительная записка к проекту устава Российской академии 1817 г.

Наука и аристократия в России — тема интересная и обширная, которая не получила пока широкого распространения в нашей литературе. Для анализа института власти в аристократическом обществе западные историки используют концепцию «патронажа»². При этом понятия «власти» и «государственной власти» разделяются. Власть интерпретируют как универсальный феномен социального взаимодействия индивидов, исходя из того, что она нередко не имеет не только государственно-политического, но даже институционального характера. «Изучение универсальности феномена власти, анализ науки как дискурса, включенного и сопряженного в отношения власти, становятся в 70—80-е гг. решающими в социальной философии и науковедении» [3, с. 4]. В исследованиях по истории науки патронаж рассматривается как одна из первых исторических форм организации науки в Новое время³. Что касается России, то вопрос о профессионализации в условиях аристократического общества до сих пор рассматривался исследователями в основном применительно к таким областям, как литература⁴. В этой статье мы обратимся к материалу из области истории, филологии и географии и на примере графа Н. П. Румянцева рассмотрим, как русский вельможа реализовал себя на ученом поприще.

Граф Николай Петрович Румянцев — достаточно известная фигура в политической и культурной истории России⁵. Надо сказать, что его судьба во многом типична для отпрыска знатного и состоятельного дворянского рода. Принадлежность к влиятельному фамильному клану, значительно укрепившему свое положение при императорском дворе во второй половине XVIII в., а равно и собственные способности честолюбивого молодого человека позволили ему в дальнейшем сделать блестящую карьеру. Начав свою службу при дворе семнадцатилетним юношей в чине камер-юнкера, Румянцев постепенно поднялся на высшую ступень служебной лестницы и в пятьдесят пять лет стал канцлером. Его карьера состоялась не только в результате благоприятного стечения обстоятельств. Чем бы граф ни

¹ Автору особенно хотелось поблагодарить Д. А. Александрова, без помощи и поддержки которого эта работа просто бы не состоялась. Автор выражает свою самую искреннюю признательность Б. Н. Комиссарову, Ю. Х. Копелевич, А. М. Виноградову, Н. В. Филипенко, С. В. Ярову, А. Р. Маркову и членам семинара Ассоциации молодых историков — всем тем, кто взял на себя нелегкий труд познакомиться с первоначальными вариантами рукописи. Их ценные замечания и советы очень помогли в процессе подготовки статьи. Автор также признательна А. Ю. Стручкову за помощь при редактировании и подготовке текста к печати.

² Библиографию по патронажу см. в [1; 2, с. 303—314].

³ См., например, англоязычные работы [4—9]; на русском языке — [10].

⁴ В этой связи представляется важной богатая интересными наблюдениями работа [11].

⁵ Наиболее полные библиографии о нем см. в [12, с. 238—243; 13, с. 520—521; 14, с. 150—159].

занимался — дипломатическими делами или возглавлял различные министерства, заседал в Сенате или председательствовал в Государственном совете, — он оставался прежде всего придворным, в совершенстве владеющим искусством светского обхождения.

Он был одним из тех немногих аристократов первой четверти XIX в., кто, оставив службу, всецело посвятил свой досуг ученым занятиям и организации ученых изысканий. По мнению Е. Ф. Корша, в результате деятельности Румянцева произошел переход от частно-меценатского периода в истории русской культуры к следующему этапу, который он охарактеризовал как «любительский дилетантизм». Главной отличительной чертой последнего Корш считал то, что вельможи не довольствовались только раздачей денежных ссуд и номинальным покровительством тех или иных талантов, — они не просто увлекались науками, но старались объединить вокруг себя сообщество знатоков-любителей и руководить его деятельностью [15, с. 6—7].

Большая часть литературы о графе посвящена именно этому периоду его жизни. Что касается истории отставки Румянцева, то о ней обычно упоминают вскользь, не придавая этому эпизоду особого значения. Но так как он многое объясняет в дальнейшей судьбе нашего героя, остановимся на нем подробнее.

Власть невозможно представить без интриги. Успешное продвижение Румянцева было предметом зависти многих, и поэтому «злые языки» никогда не оставляли его в покое. Какими только нелестными эпитетами не награждали графа за долгие годы службы: «глупый, бездарный министр, несоответствующий ни дарованиями, ни знаниями, занимаемому посту»; «неспособный говорун»; «начитанная пустая голова»; «безумец, которого морочат» и пр.¹ Недоброжелательное отношение к графу части придворных кругов, недовольной его политическим курсом, особенно проявилось в предвоенные годы. Румянец, назначенный императором на пост министра иностранных дел в 1808 г., придерживался профранцузской ориентации, рассчитывая тем самым как можно дольше оттянуть начало неизбежной войны. Обвинив Румянцева в одном из самых тяжких преступлений во все времена — в государственной измене, современники даже ликовали, когда в июле 1812 г. графа разбил паралич. «Ненавидим и презрен всеми до такой степени, что радовались, когда ему сделался удар, от которого рот и глаза его покривились, жалели все, что он оправился», — писала в своих воспоминаниях одна из современниц [19, с. 398].

Затем, в течение почти двух лет граф не мог получить официальной отставки, оставаясь в Петербурге «без всякого значения и без всякой доверенности» со стороны императора [20, с. 133]. Его неоднократные просьбы об увольнении Александр I оставлял без внимания, пока в феврале 1814 г. канцлер сам не устра-

*Граф Николай Петрович Румянец
(1754—1826)*

¹ Например, см. [16, с. 349—350; 17, с. 177—178, 185, 188, 190; 18, с. 183].

нился от дел. И только спустя еще полгода — 1 августа — последовал, наконец, указ Сенату об увольнении Румянцева. Граф получил рескрипт императора с выражением благодарности за оказанные Отечеству услуги и «непоколебимого уважения к нему Его Величества». Кроме того, он пожизненно сохранял канцлерское звание и все получаемые оклады. Но несмотря на оказанные ему почести, Румянцев чувствовал себя обиженным. 13 августа через графа А. А. Аракчеева Румянцев «испрашивал милости откланяться» и прочесть докладную записку о ходе работ по строительству Обводного канала в Петербурге. Но получить последнюю официальную аудиенцию у императора ему так и не удалось. А ведь граф более сорока лет честно служил целой семейной династии: сначала бабушке, позже отцу, а затем и самому Александру Павловичу. За долгие годы общения и совместной деятельности между ними сложились доверительные личные отношения.

Таким образом, была поколеблена основа бытия Румянцева — его статус и престиж как члена придворного сообщества — то-есть то, что организовывало это бытие, придавая ему значимость и ценность как в собственных глазах графа, так и в глазах общественного мнения¹. Поправить пошатнувшийся авторитет стало для Румянцева жизненно важной задачей. Казалось бы, у него — одного из самых богатых людей в России того времени, не связанного семейными узами и не отягощенного заботами об устройстве будущего своих детей и внуков², — были для этого самые широкие возможности. Например, он мог бы переселиться в московский дом, давать там балы, пышные обеды и устраивать праздники, которые прославили бы его как хлебосольного, гостеприимного хозяина. Собрать в гостиных почтенное общество и вспоминать времена своей блестящей молодости при екатерининском дворе. Признание, уважение и почет не заставили бы себя долго ждать. Способ был испытанный и верный, — так поступали многие современники Румянцева. Но для него традиционный путь оказался невозможен: одной из причин была его прогрессирующая глухота.

Трагичность положения, в котором оказался граф, станет особенно понятной, если вспомнить, что непосредственное общение, искусство вести приятную беседу, составляло живую ткань культуры салона. Особенно ценилось умение увлекательно и остроумно рассказывать. Так, например, И. И. Дмитриев — министр юстиции и просвещенный вельможа, поощрявший литературное творчество, вышел в отставку в том же 1814 г. и поселился в Москве. В его доме собирались все известные и начинающие литераторы. П. А. Вяземский, часто бывавший у своего близкого знакомого, впоследствии очень жалел, что не записал множество занимательных историй, которыми Дмитриев потчевал своих гостей. «Разговоры Дмитриева были более личные и анекдотические. Он все помнил о себе: живо помнил то, что видел, и живописно обрисовывал действия и лица, которых знал и встречал. Разговор его был живые записки со всею их современною обстановкою» [22, с. 8].

Добрые знакомые и близкие друзья очень сочувствовали несчастью отставного канцлера. «В здешнем свете худо без зрения и слуха, — пишет Н. М. Карамзин своим знакомым о Румянцеве в 1817 г., — поэтому наш добрый канцлер приводит меня в большую грусть», «с ним почти говорить нельзя, и я лишаюсь в нем одного из приятнейших для меня собеседников», ... «смотрим друг на друга, а беседовать не можем»; «кричу изо всей силы, а пользы нет. Однакож все еще

1 О значении понятий «статус» и «престиж» в придворной культуре см. [21, с. 63—65, 76, 99—100].

2 Н. П. Румянцев был холост и детей не имел.

обедаю у него раз в неделю; только что обедаю!.. Знатность и богатство теряют свою цену в таких обстоятельствах»¹.

Все это вело к постепенному разрыву привычных связей. Для светского общества граф становился непонятым, не своим, чужим. Сталкиваясь с ним, граф оказывался порой в нелепых ситуациях, которые вызывали у окружающих улыбку и смех. Характерен один из таких эпизодов, рассказанный Г. Д. Богацким, секретарем Румянцева. Однажды последний встретился случайно на прогулке с великим князем Михаилом Павловичем и, не раслышав, о чем его спрашивали, отвечал невпопад, что очень развеселило всех присутствующих [25, с. 9]. Глухой и физически немощный (у него отказали ноги и он почти не мог передвигаться)², граф невольно становился посмешищем для той общественной среды, в которой он привык занимать высокое положение. Постепенно глухота, отделяя его от привычного мира, обрекала на одиночество и полное забвение, а значит и социальную смерть, от которой до физического ухода в небытие было и рукой подать.

Спасение было в активной деятельности: благотворительной, просветительской, организационной. Румянцев посвятил свой досуг ученым занятиям, что вполне соответствовало традициям эпохи, в которой он сформировался.

Заметим, что «ученость» вошла в моду еще при дворе Екатерины II, и примерно с 80-х гг. XVIII в. стала частью аристократического образа жизни. Придавая сановнику особый лоск и светскую утонченность, она открывала ему двери в интимный кружок императрицы, укрепляла его положение в придворном сообществе и была залогом дальнейшей блестящей карьеры. Приближенные Екатерины II старались перешеголять друг друга на литературном поприще, собирали обширные библиотеки, книги для которых заказывали в Голландии, Франции и Германии, коллекционировали предметы искусства, минералы, древние манускрипты, составляли генеалогии своих родов, предлагали свои услуги в качестве патронов художникам и ученым. «Быть дилетантом в русской истории считал себя обязанным всякий важный барин» [26, с. 187].

Молодые люди высшего круга, желавшие преуспеть, должны были не только получить хорошее воспитание, но и приличное образование: приятные светские манеры и свободное владение французским обеспечивали только половину успеха. Стал необходим ознакомительный тур по странам Европы под руководством опытного наставника, частью которого был годичный или двухгодичный курс обучения в одном из престижных университетов: Эдинбургском, Оксфордском, Лейпцигском или Лейденском.

Старался идти в ногу со временем и Румянцев. Получив неплохое по тем временам домашнее воспитание и образование, он вместе с младшим братом в 1774 г. отправился в заграничное путешествие. Их наставником был Мельхиор Grimm, известный журналист и дипломат, пользовавшийся особым расположением императрицы Екатерины II. Путь молодых аристократов пролегал через города германских государств, Австрии, Голландии, Швейцарии, Италии, Польши. Около года Румянцевы слушали курсы лекций по истории и праву и совершенствовались в языках в Лейденском университете.

В 1788 г. 34-летний дипломат Румянцев, материально зависимый от отца-фельдмаршала, обратился к вице-канцлеру И. А. Остерману испросить для него разрешение у императрицы перечислить свою пенсию Кавалера ордена Св. Владимира в качестве вознаграждения тому, кто подготовит издание русских дипломатических документов за период царствования Романовых [27, с. 74—75].

1 Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву, 5 февраля 1817 г., 12 марта 1817 г. [23, с. 204—206, 208—209]; Н. М. Карамзин — А. Ф. Малиновскому, 6 мая 1817 г. [24, с. 17—19].

2 «Он едва ходит и стоит от слабости в ногах: это болезни наследственные: славный отец его также несколько лет не двигался» (Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву, 16 июня 1822 г. [23, с. 330—331]).

Тогда граф не мог выступить непосредственным патроном, он не обладал необходимым для этого статусом. Ему необходимо было заручиться высшим авторитетом — волей государыни, за которой он обратился не прямо, а через влиятельного посредника — своего начальника по службе, возглавляющего Коллегию иностранных дел.

В 90-е годы Румянцев, как и многие его современники, сам увлекся историческими изысканиями: он делал выписки из хроник, разбирал летописи, заказал себе из Вены необходимые справочные пособия, написал краткий очерк русской истории на французском языке [28, с. 3—6]. Через своего знакомого, австрийского посланника графа Филиппа Стадиона он пытался завязать ученые контакты с чешским славистом аббатом Йозефом Добровским, по вопросам «древней истории и взаимных отношений славянских народов между собою». Но аббат не ответил тогда любознательному русскому дипломату — в то время он собирался ехать работать в архивы Швеции и России [29, с. 63—64]. Забегая вперед, отметим, что лишь по прошествии тридцати лет, когда оба они были уже в преклонном возрасте: Румянцев — государственным канцлером на покое, покровителем целого ряда талантливых ученых, а Добровский — признанным во всей Европе филологом-славистом, — этот диалог состоялся [30, с. 225—227]. Возникла взаимная заинтересованность: присылая графу свои труды, ученый мог рассчитывать на его помощь в переводе и издании этих работ в России. Канцлер, посылая ему исследования своих сотрудников, в свою очередь, получал почетную возможность представлять на суд признанного метра достижения русской науки.

В 1811 г., когда работа над первым томом «Собрания государственных грамот и договоров» подходила к концу, Румянцев, в то время министр иностранных дел и канцлер, добился для себя высочайшего позволения возглавлять подготовку последующих томов Собрания и в случае своего выхода в отставку. Таким образом, граф осуществил мечту, которую давно лелеял. Приняв все расходы по этому изданию на себя, он остался «полным хозяином и распорядителем трудов Комиссии», созданной при московском архиве для подготовки многотомного издания. Его должны были составить наиболее важные документы, хранящиеся в архиве Коллегии иностранных дел [31, с. 13]. Созданная по инициативе Румянцева, комиссия при архиве стала той прочной базой, опираясь на которую, граф в дальнейшем осуществил свои многие грандиозные замыслы.

Постепенно канцлера захватило начатое им дело. «Моя страсть к российским древностям, умножается и в старости все другие страсти заменяет, — делится он в письме к одному своему корреспонденту в 1819 г., — ее волнения и тревоги, к счастью, не очень опасны»¹. Эта личная увлеченность Румянцева, а также большие возможности отставного канцлера придавали всем его предприятиям широкий размах.

По подсчетам В. П. Козлова, сотрудники графа осмотрели свыше 130 собраний государственных, церковных, частных архивов, библиотек и коллекций в России, а также в более чем 40 архивов и библиотек Польши, Швеции, Финляндии, Дании, Голландии, Пруссии, Австро-Венгрии, Франции, Англии, Италии. В работе по разысканию, описанию и копированию документов приняли участие десятки дипломатов, чиновников, переводчиков, переписчиков. «Несколько тысяч копий документов поступили в собрание Румянцева, в Московский архив Коллегии иностранных дел, были включены в исследования и публикации» сотрудников графа [14, с. 61, 77—78]. На средства Румянцева ими были изданы 49 названий книг, причем подавляющую часть книжной продукции (42 названия) составила историческая литература [14, с. 140—141].

В конце XVIII—начале XIX вв. коллекционирование оригинальных рукописей получило в России широкое распространение, особенно в среде аристократи-

1 Н. П. Румянцев — А. Ф. Малиновскому, 3 августа 1819 г. [32, с. 111—112].

ческой. Стать обладателем обширного и хорошо подобранного собрания было престижно, так как оно могло доставить его владельцу славу истинного знатока и любителя древностей. Главным соперником канцлера в этом деле оказался граф Федор Андреевич Толстой¹, уже давно коллекционировавший древнеславянские памятники, — в отличие от Румянцева, который систематически стал приобретать рукописи только с 1817 г. Так, в сохранившемся каталоге русско-славянской части библиотеки канцлера на 1814 год значилось только 33 «рукописных предмета или манускрипта» [14, с. 78]. Благодаря активности и знаниям его сотрудников, коллекция Румянцева быстро пополнялась и скоро уже могла посоперничать с известным собранием, но определить победителя должно было опубликование каталогов.

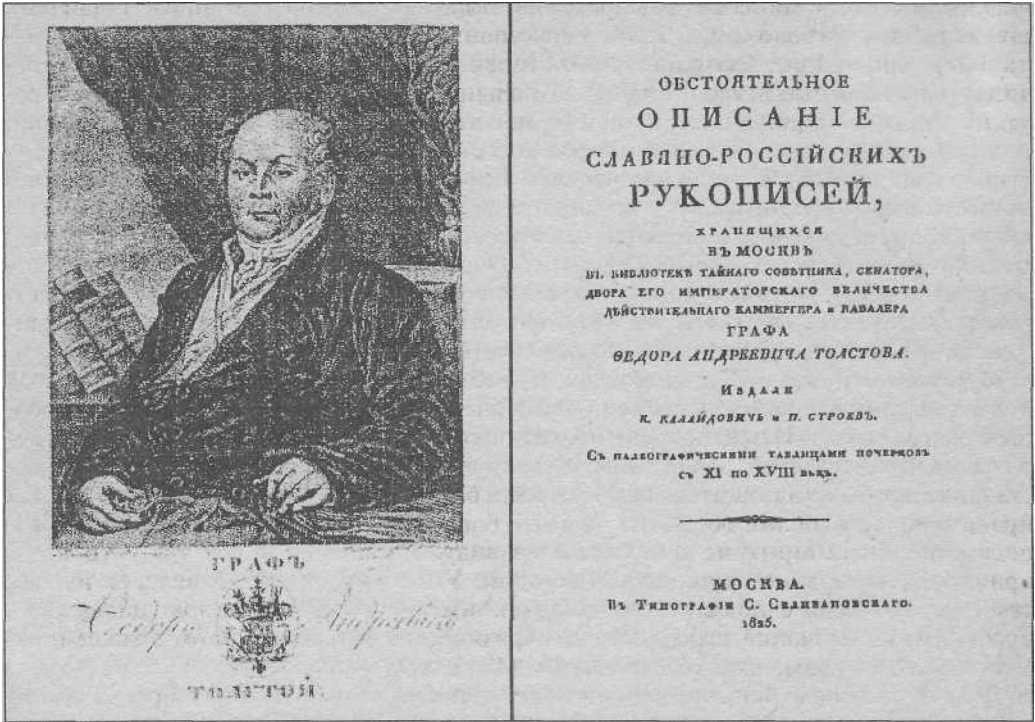
Граф Федор Андреевич Толстой

Ловкий Толстой в 1818 г. нанял для составления описания своих рукописей двух молодых, хорошо знавших свое дело сотрудников канцлера, а последний вынужден был в очередной раз заниматься поисками необходимого специалиста. После долгих консультаций он остановился на кандидатуре А. Х. Востокова, которому к тому времени было уже к сорока, — автору нашумевшего труда по славянской филологии, в 1820 г. избранному членом Российской академии. Востоков сильно заикался и порой использовал свой физический недостаток как удобный предлог отклонить то или иное не слишком желаемое знакомство. На это жаловался и Румянцев, длительное время безуспешно пытаясь приблизить к себе Востокова. «Давно уже я стараюсь, но без успеха, сблизиться коротким знакомством с г. Востоковым, — сетует граф в одном из писем к митрополиту Евгению, — он от того отказывался всегда тем, что будучи страшный заика, очень страдает с незнакомыми людьми»². Переписка завязалась только после того, как граф предложил ему воспользоваться для работы 89 книгами, специально заказанными для него в Вене, а спустя еще некоторое время состоялось и личное знакомство. Позднее, когда Востоков познакомился с редкими рукописными экземплярами собрания Румянцева, необходимыми ему для работы над фундаментальным трудом по славянской грамматике, он предложил графу свои услуги по описанию коллекции.

Насколько занимала канцлера работа над каталогом соперника, свидетельствует его переписка: начиная с 1818 г., имя Толстого он упоминал практически в каждом письме к своим постоянным корреспондентам. Румянцев спешил: ему сообщали, что работа над каталогом Толстого уже была близка к завершению. Поэтому он предложил Востокову совсем оставить государственную службу и целиком посвятить себя работе в его библиотеке. Но время было упущено: в начале 1824 г., давний консультант графа митрополит Евгений (Болховитинов) сообщал Румянцеву, что каталог Толстого закончен и «прославит нашу древнюю словесность, как сочинителей так и хозяина библиотеки». Раздосадованный канцлер в ответных письмах пытался оправдать задержку с описанием своего собрания, но он был бессилен перед свершившимся фактом: в начале 1825 г. каталог уже был опубликован. Как это и подобало настоящему победителю, Толстой отно-

¹ О Ф. А. Толстом и его собрании см. [33, с. 289; 34, с. 114—115, 140; 35, с. 48—49; 36].

² Н. П. Румянцев — митрополиту Евгению, 19 января 1822 г. [37, с. 55—56].

сился к критике Румянцевым ошибок и неточностей издания со снисходительной иронией: «...Найдя ошибки можно, в каком-нибудь журнале, объяснить их; что не будет нам стыдно, — писал он одному из составителей каталога П. М. Строеву, — ибо пословица говорит, что первую песенку зардевшись петь, а мы поем первую, которая может послужить пользою для других, желающих следовать нам» [34, с. 115].

Канцлеру так и не суждено было увидеть свое описание законченным и опубликованным: оно вышло в свет только в 1842 г., через 16 лет после его смерти. Толстой, пережив его на много лет, издал два дополнения к уже известному каталогу, составил и опубликовал описание богатейшей коллекции рукописных книг своей библиотеки, которое поднес императору и, наконец, в 1830 г. выгодно продал собрание в казну.

Румянцев покровительствовал не только историческим, но и естественнонаучным и географическим исследованиям. Так, в числе грандиозных предприятий, задуманных канцлером, стало осуществление кругосветной экспедиции¹, единственной целью которой было «способствовать распространению познаний в разных науках» [44, с. 218].

На свои средства он построил и снарядил корабль, который получил название «Рюрик». Известный мореплаватель, давний единомышленник и консультант графа по географическим вопросам, И. Ф. Крузенштерн, возглавлявший первое русское кругосветное плавание, составил для «экспедиции Румянцева»² мореходную инструкцию [45]. Ее основной задачей было подтвердить существование пролива, разделяющего евроазиатский и американский материки на северо-востоке, а также уточнить карту Тихого океана. Инструкция по проведению физи-

¹ Подробно об этом см. [14, с. 16; 38, с. 116—124; 39, с. 55—66; 40, с. 67—82; 41, с. 10—54; 42; 43].

² В работах участника плавания А. Шамиссо это путешествие именуется «*expeditio speculatoria Romanzoffiana*» т.е. «исследовательской экспедицией Румянцева».

ческих и астрономических наблюдений была составлена Иоганном Горнером, швейцарским астрономом, членом-корреспондентом Петербургской Академии наук [46]. Кроме того, Румянцев позаботился о том, чтобы приобрести для экспедиции совершенные астрономические и физические инструменты (мастеров Тротона, Массей и др.), новейшие издания карт и атласов (собрания Гарсбурга, Арроусмита, Пурди и др.) и географические сочинения. Командиром корабля был назначен Отто Коцебу, племянник Крузенштерна и его воспитанник. Участвовать в экспедиции были приглашены натуралисты Адельберт Шамиссо, изучавший естествознание в Берлинском университете¹, датский ботаник и минералог М. Вормшельд, который к тому времени уже предпринял путешествия в Гренландию и Норвегию, а также врач Иоганн Эшшольц, известный впоследствии ученый-натуралист и путешественник, который только что закончил медицинский факультет Дерптского университета.

«Рюрик» отплыл из Кронштадта 18 июля 1815 г. То, что писал по поводу этого события журнал «Сын Отечества», раскрывает значение патронажа подобных экспедиций: «Известно, что правительства всех просвещенных морских держав отправляли суда для открытий вокруг света; известно, что в Англии составлялись общества богатых частных людей для сей же цели... В других землях правительства и целые общества частных богачей принимаются за подобные экспедиции, при которых не выпускают из виду и торговых видов так, что предприятие обыкновенно окупается с барышом. У нас один частный человек из собственного имени снаряжает экспедицию, имеющую единственно целью распространение познания шара земного в физическом и политическом отношениях! Честь и слава знаменитому патриоту!» [48, с. 103—104].

В 1818 г., после благополучного трехлетнего плавания, бриг бросил якорь на Неве, прямо напротив дома канцлера². Существенны были результаты экспедиции: уточнена карта в низких широтах Тихого океана, где были открыты новые острова, самая большая группа которых стала носить имя Румянцева. Экспедицией было описано побережье Америки на протяжении 300 миль, собраны уникальные коллекции флоры и фауны, минералов, а также этнографических предметов. На всем протяжении плавания учеными-естествоиспытателями велись метеорологические, гидрологические, биологические наблюдения. В 1821—1823 гг. под редакцией Крузенштерна и на средства Румянцева вышла книга на немецком языке (которая сразу была переведена на русский) с подробным описанием маршрута плавания, жилищ, домашней утвари, одежды, оружия эскимосов, чукчей, народов Океании, данными об их языках и обычаях. Корабельный художник Людвиг Хорис по возвращении опубликовал свои рисунки в Париже в двух книгах. Титульный лист первой из них украшал большой портрет графа Румянцева, выгравированный Хорисом с картины О. А. Кипренского, а вторая была посвящена известному путешественнику и ученому А. Гумбольдту [49—50]. Плавание «Рюрика» привлекло внимание к канцлеру не только петербургских салонов, но и ученых за рубежом: в 1822 г. он был избран членом Географического общества в Париже. Это было еще одним знаком признания в ученом мире.

В то же время граф умело действовал не только в ученом сообществе. Чем бы Румянцев ни занимался, свое участие в любом предприятии он рассматривал как дело, от которого зависел его личный престиж и статус в сообществе придворном. Он заботился о том, чтобы каждая изданная часть «Собрания государственных грамот и договоров» была вовремя преподнесена Александру I и по

¹ Людвиг Шарль Аделанд де Шамиссо более известен как поэт-романтик. (О нем см. [48, с. 231—243]).

² Дом Н. П. Румянцева на Английской набережной сохранился. Сейчас там расположен филиал Музея истории Санкт-Петербурга.

достоинству им оценена¹. Не без гордости канцлер сообщал своим корреспондентам о «всемиловитейшем... внимании» и «благоволении» к нему императора, удостоившего графа своими посещениями², а также о том, что покровительствуемый им французский эллинист «г. Газе получил знаки ордена святого Владимира 4-й степени, при очень милостивом письме Государевом», в котором последний изволил упомянуть и Румянцева³. Граф радовался, что императрица Елизавета Алексеевна дважды «Государственный архив иностранной коллегии своим посещением ошастливить соизволила»⁴. Поэтому неудивительно, что отставной канцлер все время активно интересовался жизнью двора. Ему нужно было знать «о времени брака великого князя и переезде целого Двора в Москву»⁵, о «прибытии в Гатчину Государыни великой княгини Анны Павловны» и великой княгини Марии Павловны⁶, «о милостях, коими ознаменован был день рождения Государя Императора»⁷, а также других «дворцовских случаях и перемен» и «важных происшествиях Столицы».

Заинтересованность, с которой канцлер обсуждал с А. Ф. Малиновским, управляющим Московским архивом Коллегии иностранных дел⁸, детали оформления изданий, публикуемых на его средства, свидетельствует о том, какое большое значение он придавал гербу на титульном листе книг, а также посвящению. «В заглавном... листе благоволите приказать вырезать мой герб...», — требует он от своего корреспондента и далее поясняет: «Следуя давно принятому Французскими королями и другими особами обычаю, обозначать изображением гербов своих книги, издаваемые на их издвение и под их покровительством, — я предоставляю равно и себе приятное право такого употребления...»⁹.

Герб Н. П. Румянцева на титульном листе книги: Иоанн, Ексарх Болгарский. Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X столетий. Москва, 1824.

1 См. Н. П. Румянцев — А. Ф. Малиновскому, 18 ноября 1817 г. [32, с. 60—61]; А. Ф. Малиновский — Н. П. Румянцеву, 20 августа 1818 г. [32, с. 79—80]; Н. П. Румянцев — А. Ф. Малиновскому, 8 мая 1819 г. [32, с. 117]; Н. П. Румянцев — А. Ф. Малиновскому, 22 июля 1822 г. [32, с. 230].

2 Н. П. Румянцев — А. Ф. Малиновскому, 20 ноября 1819 г. [32, с. 135—137]; Н. П. Румянцев — митрополиту Евгению, 17 июля 1822 г. [37, с. 58].

3 Н. П. Румянцев — А. Ф. Малиновскому, 16 апреля 1820 г. [32, с. 149—150].

4 Н. П. Румянцев — А. Ф. Малиновскому, 16 марта 1818 г. [32, с. 73—74]; Н. П. Румянцев — А. Ф. Малиновскому, 20 августа 1818 г. [32, с. 77—79].

5 Н. П. Румянцев — Г. Д. Богацкому, 7 декабря 1823 г. [51, с. 57].

6 Н. П. Румянцев — Г. Д. Богацкому, 24 октября 1824 г. [51, с. 60].

7 Н. П. Румянцев — Г. Д. Богацкому, 26 декабря 1824 г. [51, с. 60].

8 Являясь директором архива, А. Ф. Малиновский одновременно ведал делами Комиссии по публикации «Собрания государственных грамот и договоров» и поэтому находился в непосредственном подчинении у графа Н. П. Румянцева. Но как заведующий делами Комиссии он жалования не получал. (Об этом см. [52, с. 223].)

9 Н. П. Румянцев — А. Ф. Малиновскому, 22 декабря, 1816 г. [32, с. 33—34].

Особый интерес приобретает эпизод, когда канцлер предложил Н. М. Карамзину, в то время придворному историографу, оплатить издание восьми томов «Истории государства Российского», поставив при этом всего одно условие: напечатать на титульном листе свой герб [53, с. 12—16]. Тем самым Румянцев откровенно претендовал на роль покровителя первого официального фундаментального труда по русской истории. Если бы канцлеру удалось включить историографа в число тех лиц, кому он оказывал покровительство, то он смог бы повысить свой статус до главы всего исторического направления империи.

Но этого не случилось: престижность положения при дворе была слишком велика и статус придворного историографа сулил большие преимущества. Перспектива была слишком заманчива, чтобы от нее добровольно отказываться. Карамзин не взял деньги у «партикулярного человека» и по другой причине. Поступив так, он тем самым признал бы в Румянцеве своего патрона, что на символическом языке придворного этикета означало зависимость отношений. В конце концов историографу удалось добиться аудиенции у Александра I, и он был щедро вознагражден за свой труд и долготерпение.

В своих письмах к тому же корреспонденту Румянцев просит внести некоторые поправки в текст посвящения того или другого издания. Его рекомендации проливают определенный свет на то, какую роль отводил канцлер себе в таком предприятии. Ему было особенно важно подчеркнуть, что каждое издание появляется «волею и иждивением»¹ «*деятельнейшего мужа*»² Государственного Канцлера графа Румянцева», что, по его мнению, требует опустить «пустую вежливость величанием Его сиятельства и Николая Петровича», потому что «историческим памятникам не токмо никакого весу таковые обыкновенных обществ повадки достоинств не придают, но даже у выражения силу некоторую отнимают»³.

Румянцев не хотел, чтобы о нем говорили только как о вельможе-патриоте, что в сознании современников ассоциировалось, как правило, лишь с финансированием тех или иных проектов. Роль щедрого «кассира российской словесности» не удовлетворяла графа, который хотел получить признание как «сущий аристократ»⁴, «высокопросвещенный меценат», не только покровитель, но *руководитель*⁵ деятельности целого ученого сообщества⁶.

Важно также посмотреть на Румянцева глазами его сотрудников и корреспондентов. Скепсис и добродушная ирония по поводу увлечения канцлера историческими изысканиями⁷ не мешали видеть в нем «великодушного покровителя и мецената»⁸ и «судию ученых предприятий и подвигов» (Выделено мною. — А. Б.)⁹, без указаний, воли и поощрения которого они «не имели бы доступа к

1 Н. П. Румянцев — А. Ф. Малиновскому, 5 февраля 1819 г. [32, с. 102—103].

2 Выделено мною. — А. Б.

3 Н. П. Румянцев — А. Ф. Малиновскому, 27 марта 1819 г. [32, с. 108—110].

4 Н. П. Румянцев — митрополиту Евгению, 1 декабря 1822 г. [37, с. 67—68].

5 Выделено мною. — А. Б.

6 В. С. Иконников приводит следующий отрывок из письма митрополита Евгения Н. П. Румянцеву, который в подлиннике нам обнаружить не удалось: «... мы должны видеть в вас высокопросвещенного мецената, не только нашего покровителя, но и руководителя» [54, с. 243]. Также см. [55], где в предисловии автор пишет, что он «во многих случаях руководствовался полезными... наставлениями и критическими замечаниями» Государственного канцлера (с. V).

7 Примером могут служить следующие слова из письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву от 12 сентября 1816 г.: «Вчера виделся с нашим любезным канцлером. Он весьма доволен своим наблюдательным путешествием и возвратился с новым доказательством мнимой истины старых своих исторических парадоксов» [23, с. 195].

8 А. Х. Востоков — Н. П. Румянцеву, 8 мая 1823 г. [56, с. 48—49].

9 И. Лобойко — И. Григоровичу, 3 ноября 1824 г. [25, с. 45—47].

многочисленным памятникам... древностей», «не приобрели бы необходимых знаний», не смогли сделать открытия [34, с. 73—74].

Таким образом, взаимная заинтересованность обеспечивала союз, плодотворный для обеих сторон. Признавая в канцлере своего покровителя и руководителя и ставя знания, навыки и опыт на службу патрону, знатоки-любители получали необходимые для этого средства, поддержку, а в некоторых случаях и социальную защищенность и могли большую часть времени посвятить ученым занятиям. В свою очередь, Румянцев, помимо удовлетворения собственной любознательности, получал признание как высокопросвещенный меценат, первенствующий в ученом сообществе и заботящийся о благе и просвещении своих сограждан.

Своеобразие организационного построения и уникальности этого объединения исследователей затрагивалось в целом ряде работ [12; 14; 26]. Но, на наш взгляд, оно заслуживает дополнительного внимания. Было бы большим упрощением думать, что только «романтика поиска объединила десятки современников вокруг умного, патриотически настроенного русского вельможи» [14, с. 147]. Наглядным свидетельством этому является следующий эпизод. В 1818 г. вышло из печати первое издание, осуществленное «волею и иждивением» канцлера, и встал вопрос об оплате труда его составителей. Ограничив тираж 600 экземплярами, Румянцев предполагал, что из них 100 (20 на веленовой бумаге — подарочных и 80 — обыкновенных) он оставит себе, а остальные 500 — предоставит в распоряжение П. М. Строева и К. Калайдовича, в качестве вознаграждения и «как слабый знак... личного к ним уважения и признательности за многие показанные... одолжения»¹. Таким образом канцлер расплачивался с французским ученым Карлом Газе за подготовку к публикации сочинения Льва Диакона². В нескольких письмах к Малиновскому, граф настойчиво пытался выяснить, удовлетворены ли сотрудники, предложенными «кондициями». Но последние, в отличие от своего французского коллеги, пожелали получить гонорар не книгами, а деньгами. В дальнейшем Румянцев неоднократно советовался с тем же корреспондентом, как «воздать прилично» исполнителям того или иного поручения, «чтобы они со своей стороны... довольны были»³.

Затруднение, которое испытывал граф всякий раз, когда речь заходила об определении суммы вознаграждения или жалования за интеллектуальный труд, возникло и при заключении договора с Востоковым о переходе последнего к нему на службу. В результате договаривающиеся стороны согласились на том, что граф возместит последнему потерю жалования по двум оставленным им казенным местам, что составило три тысячи рублей ассигнациями в год⁴.

Вероятно, проблема состояла в том, что в сознании графа все, за что было уплачено, поступало в его полное распоряжение и владение, то есть становилось личной собственностью. Об этом красноречиво свидетельствует инструкция, данная капитану О. Е. Коцебу перед отправлением брига «Рюрик» в кругосветное плавание. «Журналы, чертежи и карты, — предписывалось в ней, — составляют неоспоримую собственность⁵ того, на чьем иждивении совершено все предпри-

1 Н. П. Румянцев — А. Ф. Малиновскому, 18 ноября 1817 г. [32, с. 60—61].

2 Н. П. Румянцев — А. Ф. Малиновскому, 7 декабря 1817 г. [32, с. 61—62]. Лев Диакон — один из крупнейших византийских авторов второй половины X в. Его «История» в 10 книгах — ценный источник по истории Византийской империи, Болгарии и Древней Руси. С 1802 по 1810 гг. К. Газе удалось опубликовать 6 книг этого сочинения, но на все издание у него не хватило средств. В 1816 г. его проектом заинтересовался Румянцев, который полностью финансировал издание. Оно вышло в свет в 1819 г. в парижской серии источников Востока (об этом см. [57, с. 164]).

3 Н. П. Румянцев — А. Ф. Малиновскому, 6 октября 1818 г. [32, с. 90—91].

4 Н. П. Румянцев — А. Х. Востокову, 28 декабря 1823 г., 12 апреля 1824 г., 16 апреля 1824 г. [56, с. 82—83, 90, 94]; Н. П. Румянцев — митрополиту Евгению, 10 мая 1824 г. (58. с. 105].

5 Выделено мною. — А. Б.

ятие; тоже самое разумеется и о собрании редкостей и предметов, относящихся к Естественной истории, Ботанике, Зоологии и Минералогии...» [45, с. CXLVIII].

Таким образом, переход на жалование к Румянцеву означал для Востокова, что его знания и опыт с момента заключения соглашения поступают в распоряжение патрона, и, в конечном счете, последний имеет полное право использовать их так, как посчитает необходимым. Символично, что митрополит Евгений в одном из писем поздравляет графа с «приобретением» Востокова¹.

Поэтому несмотря на то, что в договоре были конкретно указаны обязанности Востокова, он выполнял и другие, не оговоренные в этом документе и весьма многочисленные поручения канцлера: занимался исправлением и редактированием чужих переводов², поиском заинтересовавшей графа статьи в журнале³, составлением примечаний для трудов других исследователей⁴ и т. п.; постепенно к нему перешли и обязанности библиотекаря обширного собрания Румянцева⁵. Как ни был трудолюбив и усидчив Востоков, на задуманный им фундаментальный труд по славянской грамматике не хватало ни времени, ни сил, не говоря уже о других исследованиях⁶.

Если прямые денежные расчеты со своими сотрудниками порой представляли для графа некоторую сложность, то искусством символического вознаграждения он владел в совершенстве. Канцлер всегда хорошо знал, чем в том или ином случае будет прилично одарить своих сотрудников: помочь ли им в получении ордена или очередного чина, презентовать золотую табакерку или серебряный чайный сервиз, копию с древней рукописи или собственный бюст. И он умел повернуть дело таким образом, что благодетельствованный им оказывался в положении вечного должника.

Так, например, отец Захарий Скородумов, протоиерей новгородского Знаменского собора, выполнял множество поручений Румянцева. Он сообщал графу о найденных в библиотеке Софийского собора интересных памятниках, нанимал переписчиков для их копирования и посылал ему готовые копии⁷; заказывал для последнего копии с икон Антониева монастыря⁸; помогал В. Ф. Вельяминову-Зернову сверить списки «Русской правды»⁹; покупал для графа древние монеты¹⁰ и пр. Суммы, которые канцлер ему высылал, предназначались обычно для оплаты труда переписчиков или иконописцев, а также в уплату перекупщикам древностей¹¹. Можно, конечно, предположить, что отцом Захарием двигала только любовь к древностям. Но из той же переписки мы узнаем, что граф согла-

1 Митрополит Евгений — Н. П. Румянцеву, 28 мая 1824 г. [58, с. 105—106].

2 Н. П. Румянцев — А. Х. Востокову, 18 декабря 1824 г. [56, с. 154—156]; А. Х. Востоков — Н. П. Румянцеву, 25 марта 1825 г. [56, с. 186—188].

3 А. И. Ермолаев — А. Х. Востокову, 15 марта 1824 г. [56, с. 85].

4 А. Х. Востоков — Н. П. Румянцеву, 22 октября 1824 г. [56, с. 141—142]; Н. П. Румянцев — А. Х. Востокову, 7 ноября 1824 г. [56, с. 144—145].

5 А. Х. Востоков — С. П. Румянцеву, 1 мая 1827 г. [56, с. 246—247].

6 А. Х. Востоков — К. Ф. Калайдовичу, 29 августа 1824 г. [56, с. 132—133].

7 Например, см.: Н. П. Румянцев — отцу Захарии, 27 февраля 1817 г., 16 марта 1817 г., 10 апреля 1817 г., 30 июля 1817 г., 29 октября 1817 г. [59, с. 8, 9, 17].

8 Н. П. Румянцев — отцу Захарии, 9 октября 1817 г. [59, с. 15—16].

9 Н. П. Румянцев — отцу Захарии, 7 ноября 1817 г. [59, с. 19—21].

10 Н. П. Румянцев — отцу Захарии, 27 июня 1821 г., 22 июня 1821 г. [59, с. 46—48, 48—49].

11 Например, см.: Н. П. Румянцев — отцу Захарии, 21 ноября 1817 г., 2 мая 1818 г., 29 апреля 1820 г. [59, с. 23, 29, 40—41].

сился стать крестным отцом сына протоиерея и послал новорожденному «на зубок» 100 рублей¹, он лично беседовал с митрополитом и «поручил Скородумова особому его (митрополита. — А. Б.) покровительству»². Таким образом, видно, что в обмен на оказываемые ему услуги, граф принимал активное участие как в личной, так и служебной сферах жизни своего корреспондента.

Неоднократно канцлер выступал ходатаем перед престолом за управляющего архивом Коллегии иностранных дел Малиновского³, без знаний, опыта и организаторского таланта которого было бы невозможно ни одно издание графа. Митрополита Евгения, который не нуждался в подобном покровительстве, Румянцев снабжал необходимыми ему иностранными книгами и журналами, разрешал свободно пользоваться своей библиотекой и собранием рукописей, а также послал ему свой бюст, «как залог душевного почтения и преданности» и «бархата ненарезного на яру»⁴.

Особенность объединения исследователей во главе с канцлером была в том, что все его члены находились в той или иной степени личной зависимости от своего покровителя, которая соединяла людей разного социального положения и интересов в единое целое намного прочнее, чем, например, устав и совместные заседания.

Архивисты, археографы, библиографы, историографы, географы, лингвисты выполняли для графа целый комплекс работ за социальные привилегии, которые Румянцев мог выхлопотать для них, пользуясь своим положением и обширными связями (награда, следующий чин, более престижное место службы), а также денежные вознаграждения. По мнению В. П. Козлова, ядро группы составляли 55 человек⁵, среди которых было 26 чиновников, 7 преподавателей университетов, гимназий, училищ, 6 представителей духовенства, 4 члена и адъюнкта Академии наук и 12 лиц, находившихся непосредственно на службе у Румянцева. Кроме того, более 200 человек выполняли разовые поручения графа. Сотни людей изо дня в день делали гигантскую работу, которую координировал канцлер. Личная канцелярия Румянцева ежедневно отправляла десятки писем в разные концы России и за границу, в которых содержались предложения, распоряжения, просьбы о консультациях. Результаты деятельности канцлера и его сотрудников были столь существенны, что уже некоторые современники стали называть десятилетие XIX в. (1815—1826 г.) — «румянцевской эпохой» [14, с. 40—42]. Здесь следует, впрочем, отметить, что деятельность Румянцева получила широкое общественное признание значительно позже. Для большинства его современников, не считая небольшого круга единомышленников, он был прежде всего чудачком и оригиналом. Но его усилия «неприменно приготовить себе постоянное знакомство с потомством»⁶ не пропали даром. «Под команду неодолимой глухоты»⁷ он выиграл сражение с собственной смертью. С именем Румянцева принято связывать не только создание известного музея, книжное собрание которого стало основой Российской государственной библиотеки в Москве, но и целый этап в развитии русской исторической и географической наук. А в объединении ученых людей, сложившегося вокруг отставного канцлера, видят прообраз некоторых возникших впоследствии научных учреждений.

1 Н. П. Румянцев — отцу Захарию, 10 октября 1818 г. [59, с. 31—32].

2 Н. П. Румянцев — отцу Захарию, 13 ноября 1818 г. [59, с. 32—33].

3 Например, см.: Н. П. Румянцев — А. Ф. Малиновскому, 27 марта 1819 г. [32, с. 108—109].

4 Н. П. Румянцев — митрополиту Евгению, 20 октября 1822 г. [37, с. 62—63], 31 августа 1824 г. [58, с. 109].

5 Для сравнения: число действительных членов Российской академии по уставу 1818 г. равнялось 60, и жалования они не получали.

6 Н. П. Румянцев — П. И. Кеппену, 7 июля 1825 г. [60, с. 55].

7 Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву, 7 сентября 1822 г. [23, с. 335—336].

В чем же секрет успеха отставного канцлера? Быть может, в том, что он, сам того не желая, вынужден был перешагнуть за пределы допустимого культурного кода, принятого в той социальной среде, к которой он всегда принадлежал? Все прочие человеческие страсти ему заменили ученые занятия. Тот же Ф. А. Толстой, например, вел обычную жизнь русского вельможи, которую составляли семейные хлопоты и светская суета: приемы, балы, обеды, праздники, театр. Занятие науками могло быть только одним из многочисленных способов проведения досуга состоятельного аристократа — светская условность, с которой люди, входившие в этот круг, не могли не считаться.

Оказавшись вне привычного мира, канцлер создал свою среду, привнеся в нее те принципы организации и общения, которые были для него естественными. То многочисленное объединение ученых людей, которыми окружил себя граф, было большой силой. Каждый успех сотрудников Румянцева, в котором была и его доля как патрона, сигнализировал тому миру, что канцлер жив и продолжает оставаться «деятельнейшим мужем».

Нам кажется, что понятие «кружок», которое использует в своей работе В. П. Козлов вслед за историками XIX в., не совсем точно определяет этот социокультурный феномен. Отношения аристократического патрона Румянцева с учеными были далеки от отношений, характерных для интеллектуальных кружков более позднего времени. Более того, многие любители и знатоки древностей, выполнявшие поручения графа, порой или вообще не были знакомы, или общались друг с другом только посредством переписки.

Можно провести некоторые параллели между этим объединением и многочисленными академиями, существовавшими в Италии с конца XVI в. и на протяжении XVII в., французскими кружками-салонами, предшествовавшими образованию Академии наук, которые не имели ни четкого регламента, ни определенной структуры, или провинциальными академиями во Франции XVII—XVIII вв., где сотрудничали в основном любители, внимание которых было привлечено к проблемам местной истории, природы и экономики (о них см. [61, с. 129—130]). Сравнивая деятельность графа Румянцева и немецких принцев XVII в. на ученом поприще (*prince-practitioners*) [7], можно заметить много общих черт: все они не только покровительствовали развитию наук и искусств, но и сами были непосредственно вовлечены в исследовательский процесс. Но русского аристократа начала XIX в. существенно отличало то обстоятельство, что он хотел, чтобы в нем видели «деятельного мужа», «истинного знатока и любителя», первенствующего в ученом сообществе. Ему стал важен собственный статус в среде людей, занимающихся науками, — то есть то, в чем не ощущали необходимости принцы периода Ренессанса в Германии.

Канцлер и его сотрудники не были профессионалами, «учеными» в современном значении этого слова¹. Все они — знатоки-любители в тех или иных областях, страстно увлеченные науками. Поэтому мы говорим о Строеве, Калайдовиче, Востокове, Малиновском — как об ученых чиновниках, о протоиерее Скородумове и митрополите Евгении — как ученых иереев, о Коцебу и Крузенштерне — как ученых мореплавателях, а о самом Румянцеве — как ученом вельможе.

На примере Румянцева мы видим, как в начале XIX в. светское увлечение науками перерастало в «страстное любительство» русских аристократов. Не один только Румянцев, но многие сановники (А. Н. Оленин, А. С. Шишков, М. Н. Муравьев

¹ О законодательном оформлении понятия «ученый» см. [62, с. 35—44]. Документ, определяющий ученых как отдельную социальную группу, был утвержден 10 апреля 1862 г. В нем, наряду с формальными признаками — такими, как наличие ученой степени и педагогическая деятельность, указывалось, что к ученым относятся те «лица, которые приобрели вообще известность своими произведениями и призваны достойными звания ученых, по засвидетельствованию, когда нужно, университетов, академий и других ученых обществ».

и др.) своей деятельностью по патронажу науки обеспечили становление научного сообщества, которое к 1860-м гг. XIX в. смогло вырасти в самостоятельную общественную корпорацию — сословие ученых.

Список литературы

1. *Kettering S.* Patronage in Early Modern France // *French Historical Studies*. 1992. Vol. 17. № 4. P. 839—862.
2. *Kettering S.* Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-century France. N.Y., Oxford, 1986.
3. *Осипов А. П.* Наука: власть и коммуникация (социально-философские аспекты) // *Вопросы философии*. 1990. № 11. С. 3—17.
4. *Shapin S.* A Scholar and a Gentleman: the Problematic Identity of the Scientific Practitioner in Early Modern England // *History of Science*. 1991. Vol. 39. P. 279—327.
5. *Shapin S.* The House of Experiment in Seventeenth-century England // *ISIS*. 1988. Vol. 79. P. 373—404.
6. *Lux D.* Patronage and Royal Science in Seventeenth-century France. Ithaca, 1989.
7. *Moran B.* German Prince-Practitioners: Aspects in the Development of Courtly Science, Technology, and Procedures in the Renaissance // *Technology and Culture*. 1981. Vol. 22. № 2. P. 253—274.
8. *Moran B.* Patronage and Institutions: Courts, Universities, and Academies in Germany. An Overview: 1550—1750 // *Patronage and Institutions* / Ed. by B. Moran. Woodbridge, 1991. P. 169—183.
9. *Biagioly M.* Galileo, Courtier. The Practice of Science in the Culture of Absolutism. L., Chicago, 1993.
10. *Александров Д. А.* Историческая антропология науки в России // *ВИЕТ*. 1994. № 4. С. 3—22.
11. *Фоменко И. Ю.* Автобиографическая проза Г. Р. Державина и проблема профессионализации русского писателя // *Русская литература XVIII—начала XIX вв. в общественно-культурном контексте*. Л., 1983. С. 143—164.
12. *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1. Кн. 1.
13. *Майков П. Н. П.* Румянцев // *Русский биографический словарь*. Пг., 1918. Т. 17.
14. *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М., 1981.
15. *Корш Е. Ф.* Опыт нравственной характеристики Н. П. Румянцева // *Сборник материалов для истории Румянцевского музея*. М., 1882. С. 1—69.
16. *Львова Е. Н.* Рассказы, заметки и анекдоты из записок Елисаветы Николаевны Львовой // *Русская старина*. 1880. Т. 27. С. 635—650; Т. 28. С. 337—356, 794—801.
17. *Н. М. Лонгинов* — С. Р. Воронцову, 13 сентября 1812 г. // *Русский архив*. 1882. Кн. 2. Вып. 4.
18. С. Р. Воронцов — А. Р. Воронцову, 12 декабря 1802 г. // *Архив кн. Воронцова*. 1876. Кн. 10.
19. *Бакунина В. С.* Двенадцатый год из записок Варвары Ивановны Бакуниной // *Русская старина*. 1885. Т. 47. № 9. С. 391—410.
20. *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1892. Ч. 1.
21. *Elias N.* The Court Society. N.Y., 1983.
22. *Барсуков Н.* Письма И. И. Дмитриева к князю П. А. Вяземскому // *Письма И. И. Дмитриева к П. А. Вяземскому*. 1810—1836 гг. (Из Остафьевского архива). СПб., 1898. С. 1—8.
23. Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866.
24. Письма Н. М. Карамзина к А. Ф. Малиновскому и письма А. С. Грибоедова к С. Н. Бегичеву. М., 1860.
25. *Григорович Н.* Переписка протоиерея Иоанна Григоровича с графом Н. П. Румянцевым // *Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете*. М., 1864. Кн. 2. С. 1—92.
26. *Милоков П.* Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913.
27. *Бильбасов В. А.* Екатерина II и граф Н. П. Румянцев. СПб., 1894.
28. *Кестнер К. И.* Материалы для исторического описания Румянцевского музея. М., 1882.
29. *Кочубинский А.* Начальные годы русского славяноведения: Адмирал Шишков и канцлер граф Румянцев. Одесса., 1887—1888.
30. *Моисеева Г. Н., Крбец М. М.* Йозеф Добровский и Россия. Л., 1990.
31. Очерк деятельности Комиссии печатания грамот и договоров, состоящей при Московском главном архиве министерства иностранных дел. М., 1877.
32. Переписка государственного канцлера графа Н. П. Румянцева с московскими учеными // *Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете*. М., 1882. Кн. 1. С. 1—368.
33. Толстой граф Федор Андреевич // *Словарь членов любителей российской словесности при Московском университете (1811—1911)*. М., 1911.
34. *Барсуков Н.* Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878.

35. Толстой Ф. П. Записки графа Ф. П. Толстого, товарища президента Императорской академии художеств // Русская старина. 1873. Т. 7.
36. Славянские рукописи собрания Ф. А. Толстого. Материалы к истории собрания и указатели старых и новых шрифтов / Составитель Даниэль Кларк Уо. Л., 1980.
37. Переписка митрополита киевского Евгения с государственным канцлером графом Н. П. Румянцевым и некоторыми другими современниками (с 1813 по 1825 год включительно). Воронеж, 1870. Вып. 2.
38. Пасацкий В. М. Иван Федорович Крузенштерн. М., 1974.
39. Пасацкий В. М. Арктические путешествия россиян. М., 1974.
40. Пасацкий В. М. Русские открытия и исследования в Арктике первой половины XIX в. Л., 1984.
41. Лукина Т. А. Иоганн Фридрих Эшшольц. Л., 1975.
42. Есаков В. А. Кругосветные плавания О. Е. Коцебу и их значение для географической науки // Труды Института истории естествознания и техники АН СССР. 1962. Т. 42. Вып. 3. С. 130—150.
43. Новиков П. А. Зоологические исследования А. Шамиссо и И. Эшшольца во время кругосветной экспедиции О. Е. Коцебу на «Рюрик» (1815—1818) // Труды Института истории естествознания и техники. 1962. Т. 40. Вып. 9. С. 248—282.
44. Отправление Рюрика из Кронштата // Сын Отечества. 1815. Ч. 23. № 31. С. 218—220.
45. Крузенштерн И. Ф. Мореходная инструкция, данная флота лейтенанту г. Коцебу // Путешествие в Южный океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах иждивением Его Сиятельства, господина государственного канцлера, графа Николая Петровича Румянцева на корабле «Рюрик» под начальством флота лейтенанта Коцебу, СПб., 1823. Ч. 3. С. СХХV—СXLVIII.
46. Горнер И. Инструкция, данная флота лейтенанту г. Коцебу. Об астрономических и физических наблюдениях во время путешествия его на корабле «Рюрик» // Путешествие в Южный Океан и в Берингов пролив для отыскания северо-восточного морского прохода, предпринятое в 1815, 1816, 1817 и 1818 годах иждивением Его Сиятельства, господина государственного канцлера, графа Николая Петровича Румянцева на корабле «Рюрик» под начальством флота лейтенанта Коцебу. СПб., 1823. Ч. 3. С. СXLIX—CLXXX.
47. Самарин Р. М. Шамиссо // История немецкой литературы. М., 1966. Т. 3.
48. Патриотическое предприятие // Сын Отечества. 1815. Ч. 23. № 29. С. 101—114.
49. Choris L. Voyage pittoresque autour du monde... P., 1822.
50. Choris L. Vues et paysages des régions équinoxiales, recueillis dans un voyage autour du monde. P., 1827.
51. Шуйкинский сборник. М., 1905. Вып. 4.
52. Долгова С. Р. Алексей Федорович Малиновский // Малиновский А. Ф. Обзорение Москвы. М., 1992. С. 176—229.
53. Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989.
54. Иконников В. С. Граф Н. П. Румянцев. Деятельность его на пользу разработки русской истории и археологии (Очерк из русской историографии) // Русская старина. 1881. Т. 32. С. 47—74, 226—250.
55. Григорович И. Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских. Из древних русских летописей. М., 1821.
56. Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке. С объяснительными примечаниями И. Срезневского // Сборник статей, читанных в ОРЯиС Имп. Академии наук. СПб., 1873. Т. 5. Вып. 2.
57. Сюзюмов М. Я. Лев Диакон и его время // Лев Диакон. История. М., 1988. С. 137—165.
58. Переписка митрополита киевского Евгения с государственным канцлером графом Н. П. Румянцевым и некоторыми другими современниками. Воронеж, 1872. Вып. 3.
59. Письма государственного канцлера графа Н. П. Румянцева к протоиерею Скородумову. Составил М. Прудников. СПб., 1859.
60. Францев В. А. Из переписки графа Н. П. Румянцева. Варшава, 1914.
61. Копелевич Ю. Х. Возникновение научных академий. Середина XVII—середина XVIII в. Л., 1974.
62. Соболева Е. В. Организация науки в пореформенной России. Л., 1983.